

АЛАЯ
БЕТТИ

Между
ПРОКУРОРОМ И БАНДИТОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Бетти Алая

Между прокурором и бандитом

«Автор»

2026

Алая Б.

Между прокурором и бандитом / Б. Алая — «Автор», 2026

Марго Климова — блестящий хирург, давно похоронившая веру в любовь под маской холодного расчёта. Андрей Евсонов — идеалист-прокурор, чья вера в справедливость трещит по швам. Эмир Алиев — опасный и харизматичный бандит, живущий по своим правилам. Смогут ли они остановиться и не разрушить себя, попробовав вкус настоящей, необузданной страсти на троих? Короткий роман. Однотомник. Внимание, в книге есть: Властный бандит, одержимый прокурор. Героиня со стержнем. Откровенные сцены МЖМ 18+. Нецензурная лексика. Криминал. ХЭ с двумя мужчинами

© Алая Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стекло и сталь	5
Глава 2. Лёд и пепел	8
Глава 3. Фитиль	10
Глава 4. Образцы	13
Глава 5. Вторжение	17
Глава 6. Поле боя	20
Глава 7. Игра на чужом поле	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Бетти Алая

Между прокурором и бандитом

Глава 1. Стекло и сталь

Марго

Шампанское в бокале давно остыло и стало тепловатой приторно-сладкой жижей. Я прислонилась к холодной мраморной колонне, наблюдая, как Андрей Евсонов парит в центре зала. Новоиспеченный прокурор.

На нём идеально сидящий новый костюм и на красивом лице та смесь торжественности и смущения, которую я называю «синдромом отличника на линейке».

Он ловит мой взгляд через головы гостей и почти незаметно морщится, дескать, Марго, ну помоги, спаси, я здесь задыхаюсь. Отвечаю едва заметным поднятием бокала. Спасать не буду. Пусть плавает.

Когда Андрей наконец пробивается ко мне, от него пахнет дорогим парфюмом и нервами.

— Ну что, Андрюша, — говорю тихо, чтобы слышал только он, — теперь тебя и с откатами поздравлять будут? Или уже поздравляют?

Он хмурится, но в уголках губ рождается улыбка.

— Хоть ты-то будь серьезнее. Это важный момент.

— А я и серьезна. Теперь ты официально часть системы. Поздравляю. Тебя это не пугает?

Он хочет что-то ответить, но его перехватывает очередной вице-кто-то-там. Я откидываюсь обратно на колонну. Скука. Гул голосов, фальшивые улыбки, запах дорогой еды, которая никому не нужна.

И вдруг повисает тишина.

Она стелется, как туман. Сначала затихает группа у входа, потом волна молчания ползет дальше. Я не вижу, но чувствую кожей. Тем инстинктом, который заставляет меня замирать перед тем, как зайти в палату к безнадежному больному. Смертоносное присутствие.

Он появляется в дверном проеме, как будто отодвигая воздух в сторону. Эмир Алиев. Я видела его фото в досье, которое как-то «забыл» закрыть на своём компьютере Андрей. Но фото — это лишь изображение на плоском мониторе. Реальность другая.

Эмир высокий. Он кажется выше всех в зале за счёт безупречной осанки и того, как он держит голову. Тёмный костюм, явно сшитый там, где понимают, как ткань должна сидеть не на манекене, а на мышцах.

Алиев не улыбается. Его взгляд медленно, методично сканирует помещение. Останавливается на Андрее. Задерживается. Это калибровка. Измерение дистанции, оценка угрозы. Потом этот взгляд скользит ко мне.

На секунду мне кажется, что он вовсе не смотрит на меня как на женщину. Он рассматривает актив. Возможность. Слабое звено. Что угодно. И от этого по спине бежит холодок, а в желудке сжимается знакомый гадкий ком ярости на саму себя за эту физиологическую реакцию. И на него за то, что посмел её вызвать.

Андрей рядом со мной застывает, превращаясь из усталого прокурора в сторожевого пса. Расправляет плечи, поднимает подбородок.

Глупая первобытная поза. Эмир замечает это и... усмехается. Едва. Одним уголком рта. Затем отводит взгляд, будто проверка завершена. Угрозы нет.

Сжимаю ножку бокала так, что вот-вот хрустнет стекло. Затем ставлю его на ближайший стол.

— Марго, — тихо говорит Андрей, — не смотри на него. Он опасен.

— Я и не смотрю, — отвечаю, заставляя себя улыбнуться. — Я изучаю. Интересный экземпляр. Прямо из Красной книги бандитской фауны.

Эмир обходит зал, здоровается с парой чиновников коротким властным кивком. Те отвечают почти суетливой почтительностью. Его везде знают. Боятся. Уважают. Меня от этого тошнит.

Он подходит к нам чуть позже. Когда Андрей отвлекается на очередную пару поздравляющих.

Алиев подходит без предупреждения, просто материализуется в моём личном пространстве, принося с собой запахпряного древесного парфюма.

— Маргарита Климова, — его голос ниже, чем я ожидала. — Я слышал, вы вправляете вывихнутые суставы. А сердца?

Медленно поворачиваю к нему голову. Смотрю прямо в глаза. Холодные, почти черные, как ночное небо. В них нет ни намёка на шутку.

— Сердца — это к кардиологу, — говорю я равнодушно. — А навязчивых мужчин с комплексом бога — к психотерапевту. Вы к кому записаны?

Где-то рядом слышится сдавленный смешок. Эмир не моргает. Его губы растягиваются в улыбку, но глаза остаются хищными.

— Практичная. Мне нравится. Тогда предложу лечение попроще. Вид из моего пентхауса вместо вида из окна вашей операционной. Гарантирую, ваш... — он делает микроскопическую паузу, — прокурор... такого не предоставит. Не по карману честному человеку.

Беру со стола свой бокал с тёплым шампанским. Делаю маленький глоток. Отвратительно. Ставлю бокал обратно и замечаю, что мои пальцы дрогнули. Чёрт. Я сжимаю их в кулак за спиной, вдавливая ногти в ладонь, пока боль не вернёт ясность ума.

— Видите ли, господин Алиев, — начинаю четко и уверенно, — я сама зарабатываю на свои пентхаусы. Мне не нужен спонсор. А от скучных мужчин, которые думают, что женщину можно купить, как новую машину, у меня выработался стойкий иммунитет. Не тратьте своё время. И, если можно, кислород в зале. Его и так не хватает.

Отворачиваюсь от Алиева, беру с подноса канапе с икрой и откусываю. Рука больше не дрожит. Спасибо боли в ладони.

За моей спиной абсолютная тишина. Я чувствую прожигающий взгляд между лопаток. Острый, как скальпель. Потом слышу тихий ровный выдох и шаги, удаляющиеся по паркету.

Ко мне сразу подлетает Андрей, багровый от ярости.

— Что он тебе сказал? Марго, я...

— Отвези меня домой, — перебиваю его. Голос звучит хрипло. — Сейчас. Мне здесь нечем дышать.

Андрей пытается спорить, но видит выражение моего лица и замолкает. Кивает.

Мы едем в лифте в ледяном молчании. Я смотрю на своё отражение в полированных дверях: прямая спина, высоко поднятый подбородок, безупречный макияж. И глаза. Пустые.

В дорогой иномарке служебного серого цвета пахнет кожаным салоном и ароматизатором. Евсонов заводит мотор.

— Марго, прости, я не должен был...

— Не домой, — говорю я, глядя в окно. — На набережную. Туда, где тихо.

— Но...

— Андрей, — разворачиваюсь к нему, — твоя праздничная речь была ужасно скучной. Мне нужна компенсация. Замолчи. И вези.

Его желваки ходят ходуном. Евсонов стискивает зубы, но включает передачу. Машина трогается с места. Я откидываюсь на сиденье и закрываю глаза.

И вижу холодный, оценивающий взгляд Эмира. Как будто я уже лежу на его столе, разобранная на детали, и он решает, что во мне имеет ценность. Мне хочется стереть этот взгляд. Сжечь его. Выжечь изнутри чем-то грубым, физическим, простым.

Андрей паркуется на пустынной набережной. Внизу чернеет вода, отражая тусклые огни. Тишину нарушает только шорох шин редких машин на мосту вдалеке.

— Марго, давай поговорим, — начинает он, выключая зажигание. — Этот ублюдок...

— Андрей, — я не открываю глаз. — Я вся напряжена, как струна. Ты виноват. Ты позволил ему подойти. Ты позволил этому зверю... смотреть на меня.

— Я не мог...

— Мог, — перебиваю я. — Ты был прокурором. А нужно было быть мужчиной. Теперь исправляйся.

Открываю глаза и смотрю на него. Евсонов замер, его лицо в полумраке искажено обидой, гневом и... пониманием. Он видит.

Видит, что я не просто капризничаю. Что меня трясёт изнутри и единственный способ остановить эту дрожь — взять всё под жёсткий, беспрекословный контроль.

— Что ты хочешь? — хрипло спрашивает.

— Я хочу, чтобы ты успокоил меня. Ясно? Сделай так, чтобы я забыла его лицо. Чтобы почувствовала только тебя. Сейчас.

Глава 2. Лёд и пепел

Марго

Это не просьба, а приказ. Андрей смотрит на меня несколько долгих секунд, потом плечи мужчины опадают. Отстёгивает ремень безопасности. Я не двигаюсь.

Наклоняется ко мне. Пальцы дрожат, когда он задирает подол моего платья. Шёлк скользит по бёдрам.

В салоне холодно, и я чувствую, как по коже бегут мурашки. Тонкие кружевные трусики летят в сторону резким, почти грубым движением.

Ткань рвется. Хорошо.

— Марго... — Андрей снова пытается что-то сказать, дыхание опалает внутреннюю сторону бедра.

— Никаких слов, — шепчу я. — Поработай языком. Пока я не скажу «стоп».

Горячие губы касаются нежной кожи. Сначала неуверенно, потом Андрей находит нужное место и влажным языком проводит снизу вверх, к самому центру моего желания.

Я вздрагиваю всем телом и впиваюсь пальцами в мужские волосы. Не ласкаю. Показываю, как делать...

— Медленнее, — командую, и голос становится ниже. — Не спеши. Ммм...

Прокурор послушно замедляет темп. Язык теперь кружит, описывая широкие ленивые круги на горячей плоти, заставляя всё моё существо сжиматься в ожидании.

Откидываю голову на подголовник, закрываю глаза.

Концентрируюсь на ощущениях.

Мягкая поверхность языка. Прохлада ночного воздуха. Прерывистое тяжёлое дыхание. Запах Андрея, моего возбуждения, кожи салона.

Евсонов глубоко заполняет меня пальцами, и я невольно выгибаюсь, издавая короткий сдавленный стон. Рука работает в том же медленном, неумолимом ритме, находя внутри ту точку, от которой темнеет в глазах.

Моё тело начинает отзываться, предательски подчиняясь физиологии, хотя мозг всё ещё видит те ледяные глаза.

Я сжимаю пальцы любовника, пытаюсь хоть как-то взять этот процесс под контроль.

— Не торопись, — буквально выстанываю, голос предательски срывается. — Я сказала: медленно!

Андрей рычит что-то в ответ, но подчиняется. Продолжает настойчиво ласкать губами, в то время как пальцы ведут свою глубокую порочную работу.

Волна удовольствия начинает подниматься откуда-то из самой глубины живота, тёплая, тяжёлая, неотвратимая.

Я сопротивляюсь.

Не хочу, чтобы это было приятно. Хочу, чтобы это было инструментом.

Катарсисом. Наказанием для нас обоих.

Но тело не слушает доводов разума. Оно сжимается, мышцы живота напрягаются до дрожи, я пальцами цепляюсь за кресло.

Слышу возбужденный мужской хрип.

Чувствую, как Андрей сам сходит с ума, растворяясь в этой близости. И это знание, эта власть над ним в такой момент — последняя капля.

Оргазм накачивает долгой, изматывающей волной. Он выжимает из меня тихий стон, который я тут же пытаюсь заглушить.

Закусываю губу до крови. Всё внутри сжимается, пульсирует, тепло разливается по телу. Я дышу, как после марафона, чувствуя, как дрожь, наконец, покидает тело, оставляя после себя пустую тяжесть удовлетворения.

Андрей ещё несколько секунд мягко, почти нежно ласкает меня, прежде чем отстраниться. Потом откидывается на сиденье, тяжело дыша. В салоне пахнет сексом и нашей общей порочностью.

Медленно опускаю подол платья, поправляю его. Мои движения механические. Достаяю из сумочки влажные салфетки. Всё чётко, как после процедуры.

— Отвези меня домой, — говорю, вновь глядя в окно. Вода внизу всё так же черна. Взгляд Эмира стёрся из памяти. Осталась только усталость и горький привкус на языке.

— Спасибо. Это было... достаточно.

Андрей заводит машину. Всю дорогу до моего дома он молчит. Но я чувствую, как от него исходит волна обиды, злости и недоумения. Хорошо. Пусть.

У подъезда я уже открываю дверь машины, когда он хватает меня за запястье. Сильно. Больно.

— Марго, хватит! — голос мужчины срывается. — Что это было? Ты меня нарочно унижаешь? Я люблю тебя, чёрт возьми! Ты слышишь? Люблю! И ты это знаешь!

Я выдёргиваю руку. Боль в запястье проясняет мысли.

— Любишь? Мило. А у тебя в кармане уже лежит служебная записка о моих возможных «контактах» с этим Алиевым? — говорю ледяным тоном. — Уже завёл дело? Ждёшь, когда я совершу ошибку? Ты любишь только свою работу, Евсонов!

Он отшатывается, как будто я ударила его. Лицо белеет.

— Это работа... Я должен...

— Вот и у нас с тобой работа, — перебиваю я, и каждая фраза словно лезвие. Я оттачивала их годами. — Тебе снимать стресс. Мне получать разрядку. Всё честно. Не придумывай сложности, где их нет. Мы трахаемся, нам хорошо. Просто, понятно, без обязательств. Зачем портить это романтическими бреднями?

В его глазах гаснет последняя искра надежды. Я вижу боль. И всего на секунду моё собственное сердце сжимается так, что перехватывает дыхание.

Паника. Чистая животная паника перед этой болью, перед его чувствами, перед возможностью этой дурацкой нормальной близости, которую Андрей предлагает и которой я так боюсь, что готова разнести всё вдребезги, лишь бы не подпустить его к себе.

Евсонов видит этот страх. Замечаю, как меняется взгляд: с обиды на осознание. Он смотрит на меня не как на жестокую стерву, а как на... раненого зверька. Этот взгляд в тысячу раз более унизителен.

— Марго... — Андрей тянется ко мне, но не дотрагивается.

Я резко поворачиваюсь, хватаюсь за ручку двери. Рука предательски дрожит. Выхожу, не оглядываясь. Дверь с глухим стуком закрывается за мной.

Направляюсь в подъезд, слышу сзади визг шин... Прислоняюсь к холодной стене лифта. Только сейчас начинаю трястись по-настоящему. Всё тело бьёт мелкая дрожь.

Я поднимаюсь на свой этаж, заваливаюсь в квартиру, закрываюсь на все замки.

Спустя десять минут приходит смс от Андрея. Не гневное. Не обиженное. Всего три слова: «Я понял. Отдыхай.»

И в этой страшной, невыносимой простоте... я понимаю, что проиграла этот раунд. Андрей увидел меня. И это опаснее, чем его злость.

Глава 3. Фитиль

Андрей

Машина замерла у подъезда, но я не выключаю двигатель.

Смотрю на тёмные окна её квартиры на девятом этаже. Уехать?

Просто уехать, дать Марго эту ночь покоя, который она так яростно отвоевала?

Но в груди что-то тяжёлое и горячее, как раскалённая болванка, не даёт сделать даже этого.

Я даю по газам, и машина рычит, вырываясь из двора. Кружу по спящему городу. В голове обрывки воспоминаний. Её пальцы в моих волосах, но не от страсти, а в отчаянии.

Её голос: «Зачем это портить?»

И этот взгляд. Животный страх. Я видел такие глаза раньше. У загнанных в угол. В дет-доме, на проверке. Мальчик, укравший хлеб, смотрел точно так же.

И этот страх — мой. Мой ключ.

— Ты моя, — тихо говорю я. — Вся. И я сниму с тебя эту броню. Слои за слоем. Даже если придется с мясом... и болью...

Острое, почти невыносимое желание владеть не телом, а самой её сутью выталкивает меня к ночному магазину.

Покупаю виски, того, что Марго назвала «пенной для ванн для мачо».

Пью прямо из горла. Огонь не гасит то, что тлеет внутри.

Хочу не просто обладать. Я хочу её доверия. Слышать «доброе утро»... Хочу разгадать Маргариту и поставить свою печать.

— Я тебя добьюсь. И ты сама попросишь меня никогда не уходить.

В квартире пахнет яблочным пирогом и лекарственной мазью. Тишина. Я надеялся, что мать уже спит.

— Андрюша? Это ты?

Голос из гостиной. Прохожу на кухню, чтобы спрятать бутылку в шкаф, но мама ужековыляет на костылях из своей комнаты. Лицо бледное, усталое, а в глазах тревога.

— Я волновалась. Так поздно. Всё хорошо?

— Всё нормально, мам. Просто... развезло после мероприятия. Нужно было остыть.

Я целую её в холодную щёку, избегая взгляда.

— Она была там? Красивой была? — мать садится за стол.

Красивой? Да. Ослепительной и недоступной, как алмаз за бронированным стеклом.

— Да, мам. Очень.

— Красивые они все, пока не покажут клыки, — вздыхает. Звук этот, знакомый до боли, полный горькой материнской прозорливости, действует мне на нервы. — Она же тебя не ценит, сынок. Я вижу, как ты возвращаешься. Ты для неё... как удобный диван. Пришла, отдохнула, ушла.

По спине бежит знакомый холодок ярости. Не на мать. На ситуацию. На правду в её словах, которую я не готов принять.

— Мама, — понижаю голос. — Пожалуйста. Не надо.

— Не надо? А как надо? Смотреть, как моего мальчика используют? Она холодная, Андрей! Бессердечная! Нормальная женщина так не поступает с мужчиной, который её любит!

Струна рвётся.

— МАМА! — кулаки со всей силой обрушиваются на столешницу. Чашки прыгают на блюдах. Моя тень накрывает весь стол. — Хватит! Я не мальчик! И то, что между нами — это наше! Наше! Не твоё! Ты ничего не понимаешь! Я люблю её! Слышишь? ЛЮБЛЮ! И мне всё равно, как это выглядит со стороны!

Я никогда не кричал на мать. Даже когда отец погиб, и она плакала сутками, я был тихой опорой, скалой.

Но сейчас из меня вырывается вся накопленная боль, унижение, ярость и бессилие.

Мама замирает. Слезы медленно, одна за другой, катятся по её морщинистым щекам.

В них столько горького понимания и жалости, что мой гнев мгновенно сдувается, оставляя после себя лишь чёрную вязкую пустоту и всепоглощающий стыд.

Делаю шаг, опускаюсь перед ней на колени, хватаю её руки. Они холодные и тонкие.

— Прости... Мама, прости... — я целую её пальцы. — Но это моя жизнь. Моя боль. Моя... ошибка, если хочешь. Дай мне её прожить. Пожалуйста.

Мать молча гладит меня по голове, по растрёпанным волосам.

— Встань, сынок. Встань. Я поняла.

Но в её глазах я читаю другое: «Ничего ты не понял. И мне за тебя страшно».

Запираюсь в ванной. Включаю воду, сначала ледяную.

Стою под холодными струями, пока тело не покрывается мурашками и дыхание не сбивается.

Потом кручу кран на максимум, на обжигающе горячую. Пар заволакивает зеркало, стирая отражение. Хорошо.

Прислоняюсь лбом к кафелю. Глаза закрыты. Вижу Маргариту.

Но не сегодняшнюю: холодную и отстранённую. А другую.

Её губы, приоткрытые в негромком стоне. Ровную спину, выгнутую под моими ладонями.

Её взгляд. Потерянный, утопающий в моём всего на секунду, прежде чем она снова надела маску.

Рука сжимается на напряженной плоти. Тело горит, отзываясь на каждое воспоминание.

Я не ищу нежности.

Это способ согнать напряжение — жёсткий, почти грубый.

Фантазирую, но не о прошлом. О будущем.

Как прижимаю Марго к этой самой кафельной стене, не давая вырваться.

Пальцами крепко впиваюсь в упругие бёдра, заставляя её принадлежать только мне. Воображаю, как вхожу в неё резко, глубоко, чувствуя, как вздрагивает всё её существо.

— Моя, — шепчу, ускоряя ритм, представляя этот момент полного, тотального подчинения, когда с лица Марго слетает цинизм, насмешка, страх и остаётся только подлинное, ничем не прикрытое чувство. — Только моя.

Разрядка накрывает болезненным спазмом, её тут же смывает потоками воды.

Тяжело дышу, опираясь о стену. Облегчения нет.

Есть только пустота и стыд ещё горше, чем после ссоры с матерью. И понимание: я не выдержу, если Марго действительно станет чьей-то ещё.

Утро застаёт меня за рабочим столом в новом, пахнущем деревом и кожей кабинете.

На столе остывший кофе и первое дело в статусе прокурора.

«Перестрелка в ночном клубе „Черный бархат“. Один убит, двое ранены. Клуб принадлежит через цепочку подставных лиц Эмиру Рустамовичу Алиеву.

Дело лежит с жирным штемпелем «НАПРАВИТЬ В СУД».

Читаю методично, как всегда, карандаш в руке. Через двадцать минут откладываю папку. Внутри только холодная, чистая профессиональная ярость. Дело не просто сырое. Оно гнилое. Обвиняемый — мелкий гопник Степан Лыков. У Лыкова алиби, подтверждённое камерой видеонаблюдения в пяти километрах от клуба в момент стрельбы.

Оружие — пистолет ТТ, не найден. Следов пороха на руках Лыкова нет. Свидетели дают противоречивые показания, из которых ясно лишь одно: они боятся. Это не правосудие. Это фарс. Причём наглый, циничный, рассчитанный на то, что новый прокурор проглотит, кивнув на «показательность процесса».

Выхожу к своей помощнице Наде.

— Попросите ко мне следователя Зубарева. Немедленно.

Антон Зубарев входит через пять минут. Аккуратный, в свежей рубашке, с противной улыбкой. Карьерист, который, увы, в этот раз не достал языком до нужных задниц.

— Андрей Валерьевич! Поздравляю с повышением! Как...

— Сядь, Антон, — я не поднимаю на него глаз, перелистывая страницы дела.

Зубарев осторожно опускается на стул.

— Объясни мне это, — отодвигаю папку к краю стола. — Обвиняемый с алиби. Орудие не найдено. Вещдоков — ноль. Свидетели явно запуганы. На каком основании здесь стоит штампель «в суд»?»

— Андрей Валерьевич, народ требует... ситуация напряжённая... Алиев — фигура, надо показывать, что мы контролируем...

— Мы контролируем соблюдение Уголовно-процессуального кодекса, — говорю ровно, но с угрозой. — А не общественное мнение. Кто дал команду проталкивать это?

Зубарев бледнеет.

— Сверху... были намёки...

— Сверху у тебя председатель Следственного комитета, а не анонимный доброжелатель, — я наклоняюсь вперёд, и мой взгляд, наконец, впивается в Зубарева. — У тебя сутки. Или находишь реальные улики, соответствующие требованиям закона, или пишешь постановление об отказе в возбуждении. Если завтра в это время я увижу эту папку на своём столе в том же виде, я инициирую проверку по факту служебного подлога и халатности. Всё ясно?

В кабинете повисает тишина. Зубарев кивает, не в силах вымолвить ни слова.

— Выйди.

Когда дверь закрывается, я откидываю в кресле. Руки дрожат от бессилия. От понимания, что система, частью которой я теперь стал, пожирает сама себя.

Я еду к Алиеву. Не по долгу службы, а по личной необходимости. Посмотреть в глаза человеку, который думает, что может купить правосудие. И тому, кто положил глаз на мою женщину.

Офис Алиева — стерильное пространство из стекла, бетона и чёрного дерева. Секретарша, девушка с лицом куклы Барби и глупыми глазами, сладко щебечет по мобильному. Увидев меня, она кладет трубку.

— Андрей Валерьевич! Какая честь! Эмир Рустамович, к сожалению, ненадолго отлучился.

— Когда будет? — хриплю.

— Трудно сказать. Он поехал к врачу. Личному. Беспокоится о здоровье, профилактика, вы понимаете. — В её голосе лёгкий, едва уловимый подтекст.

— В какую клинику? — я чувствую, как у меня холодеют кончики пальцев.

Девушка делает вид, что смущается, вертя в пальцах дорогую ручку.

— Ой, не уверена... Ну, раз уж вы спрашиваете. В «ПрофМед» наверное.

«ПрофМед».

Мир сужается до одной точки, до слов, которые сейчас разрывают мне грудную клетку изнутри...

Он поехал к Марго...

Глава 4. Образцы

Марго

Сон настигает меня внезапно и без предупреждения, стоит голове коснуться подушки.
Руки Андрея знакомые, твёрдые, с тонким шрамом на костяшке правого указательного пальца.

Он держит мои бёдра, вжимает меня в холодную стену. Его губы на моей шее не ласкают, а метят.

Пытаюсь вывернуться, но тело уже предательски размякло, подчиняясь знакомой силе. Евсонов лишает меня последней преграды и заполняет пространство собой — резко, без прелюдий. Я издаю громкий стон. Он отвечает тихим хриплым «Моя».

И тут всё меняется. Второй подходит спереди. Он крупнее, смуглее. Его хватка железная.

Я пытаюсь вырваться, но меня не отпускают. Чужой голос, низкий, с едва уловимым восточным акцентом, обжигает висок.

— Расслабься, доктор. Тебе же нравится отпустить контроль...

Это Эмир. В сон вползает осознание этого, и от ужаса сердце останавливается.

Но тело реагирует иначе. Оно судорожно отзывается на близость Андрея, а низ живота пронзает электрический разряд дикого запретного возбуждения.

Андрей стоит сзади, его лицо напряжено, в глазах тьма и одержимость.

Эмир передо мной так близко, что я чувствую тепло его кожи, запах табака и дорогого парфюма.

Он смотрит на меня, как смотрят на редкий сложный механизм, который нужно разобрать.

Они не дерутся, а действуют в чудовищной бессловесной синхронности.

Эмир притягивает меня к себе и целует. Грубо, властно, прикусывая мою губу до крови.

В тот же миг давление сзади становится невыносимым, глубоким, заполняющим меня целиком.

Я кричу в рот Эмиру, а он глушит мой стон.

Тело разрывается на части. Эти двое совершенно разные.

Грубая сила Андрея и хищная аналитичная сосредоточенность Эмира, который, кажется, изучает каждую мою реакцию.

Это не боль. Это что-то за её гранью — властное переполнение, искажение реальности. Я не принадлежу себе.

И самое ужасное... мои бедра начинают двигаться, находя в этом хаосе собственную извращённую гармонию.

Волна наслаждения поднимается со всех сторон сразу. Сокрушительная, позорная... сладкая.

Я просыпаюсь с резким хриплым вдохом, как будто вынырнула из-под воды. Сердце колотится о рёбра с такой силой, что больно.

Вся простыня подо мной промокла, липкая прохлада быстро сменяется жаром собственного стыда.

По спине струится холодный пот. Я лежу неподвижно, широко раскрыв глаза в темноте, пытаюсь отдышаться.

Животный ужас. Чистый первобытный страх перед силой того, что только что пережило моё тело во сне. Перед тем, на что оно оказалось способно.

Затем включается мозг. Я медленно поднимаю руку и кладу её на нижнюю часть живота.

Тело ещё пульсирует слабыми отдалёнными спазмами. Кожа горит, оставаясь болезненно чувствительной к малейшему прикосновению сквозь ткань. Дыхание учащенное. Температура кожи повышена.

Что это было? Физиологическая реакция на стресс двух последних дней? Накопленное сексуальное напряжение, вылившееся в искажённой форме?

Или... рабочая гипотеза, которая заставляет похолодеть внутри... мой мозг бессознательно смоделировал сценарий, в котором оба источника угрозы одновременно нейтрализованы через обладание мной?

Крайне нездоровая, но логичная с точки зрения психики защитная стратегия.

Мне нужны данные. Чёткие, физиологические. Провожу рукой вдоль бедра, ощущая горячую влажность.

Организм реагирует предсказуемо: учащённое дыхание, тянущая тяжесть в животе. Я довожу себя до финальной разрядки — тихой, безэмоциональной. Напряжение сбрасывается. Тело обмякает.

Я смотрю в потолок. Стыд отступает, уступая место усталой констатации факта. Механизм дал сбой. Показал уязвимость. Это будет учтено.

Мой лофт в шесть утра — территория тотального порядка. Бетон, стекло, матовый металл. Ничего лишнего. Ни одной пылинки на открытых полках.

Душ — это процедура. Сначала почти кипяток, пока кожа не покраснеет. Потом ледяная струя, пока не перехватит дыхание. Контраст температур должен выжечь остатки сонной слабости, стереть с кожи память о прикосновениях, которых не было.

Далее завтрак. Пятьдесят грамм овсянки на воде. Горсть миндаля. Чашка чёрного кофе, смолотого и приготовленного ровно за три минуты до употребления. Чистка зубов - строго две минуты.

Спортивный бра и леггинсы. Кроссовки, зашнурованные с одинаковым натяжением.

Утренняя пробежка.

Каждый удар ноги об асфальт набережной — это попытка оторваться, убежать от образов, которые следуют за мной по пятам.

Увеличиваю темп до предела, когда в боку начинает колоть. Адреналин сжигает всё.

Нет Марго, есть только ритм, боль и пустота. Я возвращаюсь домой с пустой выжженной головой и мокрой от пота спиной. Идеально. После пробежки снова в душ.

Перед гардеробом я останавливаюсь. Взгляд скользит по вешалкам. Чёрное платье-футляр — слишком откровенный вызов миру. Серый деловой костюм — слишком скучно.

Беру белый брючный костюм из плотного матового шёлка. Белый — первый цвет, на котором видна любая грязь.

— Попробуй запачкай, — говорит он.

Цвет стерильности, дистанции, непричастности. Претензия. Он заявляет о праве на чистоту и недоступность в этом грязном мире.

Ауди заводится с первого раза. В салоне тишина.

— Маргарита Владимировна, вам доставка, — голос администратора Тани звучит излишне оживлённо. — Прямо в кабинет. Что-то... необычное.

Меня пронзает раздражение. Сюрпризы — это несанкционированное вторжение в мои границы. Андрей? Решил загладить вину? Идиот.

Открываю дверь своего кабинета и останавливаюсь на пороге. На моём столе, вытеснив папки и монитор, лежит композиция. Нет, даже... инсталляция.

В низком продолговатом кашпо из грубого чёрного керамогранита — целый ландшафт.

Мхи, причудливые серо-зелёные суккуленты, застывшие в абстрактных формах.

Среди этого нарочито брутального, почти пустынного пейзажа — одинокий, абсолютно чёрный цветок. Орхидея. Её лепестки похожи на лакированную кожу, а сердцевина — на тёмный бархат. Она не просто чёрная.

Она — воплощение цвета, как отсутствия света. Рядом, будто небрежно брошенный, лежит цветок птицемлечника хвостатого. Ядовитый. Редкий. Дорогой.

Ни открытки. Ни намёка на отправителя.

Но понимание приходит мгновенно, холодной волной, смывающей первоначальный шок.

Андрей бы прислал пышные душистые пионы или нежные тюльпаны. Живые, простые, тёплые. Это... другое. Это послание, расшифрованное в первый же миг.

Чёрная орхидея среди суккулентов?

— Я вижу тебя. Ты не просто цветок. Ты выносливое, странное, редкое создание. Как и я.

Птицемлечник?

— Я знаю о твоей ядовитости. О твоей опасности. И это меня не отпугивает. Это меня привлекает.

Отсутствие карточки?

— Мне не нужно подписываться. Ты и так знаешь. И ты не сможешь это игнорировать.

Сжимаю челюсти так, что сводит скулы. Как он посмел? Алиев пересёк последнюю черту, вторгся в мой храм. В место, где я — божество!

Ярость не уходит, постепенно сменяется любопытством. Я закрываю дверь, делаю шаг к столу. Взгляд скользит по композиции, анализируя.

Качество мха (свежий, влажный).

Сорт суккулентов (редкие, коллекционные).

Оттенок чёрного у орхидеи (искусственный? природный? гибрид стоимостью в ползарплаты медсестры?).

Это демонстрация не только намерений, но и ресурсов. И вкуса. Порочного, извращённого вкуса.

Я не выбрасываю это в мусорное ведро. Это было бы признание поражения. Я превращаю угрозу в объект изучения.

Достаю телефон. Делаю три чётких снимка: общий план, крупно - орхидею, отдельно — ядовитый птицемлечник.

Затем открываю стеклянный шкаф, достаю стерильный контейнер для биоптатов и одноразовые хирургические перчатки.

Беру ножницы. Аккуратным, профессиональным движением срезаю головку птицемлечника. Кладу её в контейнер.

Щёлк.

Герметично.

Снимаю перчатки, отправляю их в медотходы. Контейнер ставлю на полку. Не как сувенир, а как вещественное доказательство.

Фотографии — в отдельную папку на телефоне с названием «Кейс А.».

Сажусь в кресло. Вкус кофе с утра кажется теперь горьким и плоским на фоне этого тяжёлого цветочного аромата.

В груди остается странная взвесь эмоций. Ярость за нарушенные границы, за наглость и попытку купить внимание там, где его нельзя купить.

И... интерес к сложности хода. К точности попадания. К тому, что противник оказался не примитивным быком, а шахматистом, который сделал первый виртуозный ход.

Смотрю на чёрную орхидею. Она выглядит неестественно и прекрасно в этом кабинете под холодным светом ламп.

— Хорошо, Эмир, — мысленно произношу я. — Вы предоставили образец. Игровое поле обозначено. Жду вашего следующего хода.

Глава 5. Вторжение

Эмир

Конференц-зал тонет в молчании. Трое мужчин за столом не дышат, следя за каждым моим движением. Я медленно перелистываю отчёт, страница за страницей. Цифры почти идеальны. И это проблема.

— Два процента недостачи по северному складу, — говорю, не поднимая глаз. Мой голос ровный, спокойный. От этого страх в воздухе сгущается. — Объясни.

Управляющий Иван ёжится. Пальцами нервно барабанит по папке.

— Эмир Рустамович, это... сезонные колебания, логистические...

— Ты считаешь меня идиотом? — перебиваю его, наконец поднимая взгляд. В моей голове поверх цифр стоит другое лицо. Холодное, насмешливое, с глазами цвета морозного неба. Маргарита. И рядом с ней Евсонов. Мысль о том, что он касался ее, вызывает резкую, спазмирующую волну ярости. Левая рука, лежащая на столе под отчётом, непроизвольно сжимается в кулак. Резкая боль пронзает костяшки. Вчера в порыве той же бессильной злобы я кулаком разбил зеркало в своём кабинете. На руке теперь свежая ссадина, которую машинально заклеил пластырем. Глупо.

Заставляю себя сфокусироваться на Иване. Его мелкое жульничество на фоне моего внутреннего урагана кажется смешным. И от этого ещё более невыносимым.

— Ты украл не у меня. Ты украл у дела, — я отодвигаю кресло, встаю, подхожу к окну. Внизу раскинулся город — моя шахматная доска. — Твоя доля за квартал переходит Ильхану. Завтра ты приносишь полную отчётность и возмещение. А потом пишешь заявление по собственному желанию. Если я увижу тебя здесь снова, твоя семья будет искать тебя в тех же местах, где мы ищем недостачу. Ясно?

Он кивает, лицо перекошено от страха. Сплошная слабость вокруг. И на её фоне она. Та, которая позволяет иметь рядом с собой эту ходячую слабость в пиджаке. Евсонов.

Этот «честный» прокуроришка с синдромом отличника. Его честность — трусость, замаскированная под принципы. Он верит в систему, которая сожрёт его первым, когда понадобится. И Маргарита с её острым, как скальпель, умом, этого не видит?

Или видит, но цепляется за эту иллюзию «нормальности»? Это предательство её собственной природы бесит меня больше всего. Она хищница, созданная для власти и силы, а не для того, чтобы быть санитаркой при раненом идеалисте.

— Всё. Выйдите, — бросаю я через плечо.

Когда дверь закрывается, тишина обрушивается на меня всей тяжестью. Я подхожу к бару, наливаю коньяк. Пью залпом. Огонь в горле не заглушает огонь в крови.

Она всё ещё чувствует себя в безопасности. За стенами своей клиники, в коконе своей дисциплины, под защитой своего жалкого покровителя.

Этого нельзя допустить. Нужно показать, что её стены — бумажные. Что её безопасность — иллюзия. Что в её мире, таком жестоко упорядоченном, есть дыра, через которую я могу пройти когда угодно.

Мною движет чистый нефилтрованный импульс. Я выхожу и сажусь в машину.

«ПрофМед» — стерильный полумёртвый лабиринт. Меня никто не останавливает. Вид, осанка, аура неоспоримого права быть где угодно работают лучше любого пропуска. Кабинет Климовой в конце коридора. Из-под двери сочится свет.

Не стучусь. Просто вхожу.

Она стоит спиной к двери у открытого металлического шкафа с препаратами, в белом халате, накинутом на белый шёлковый костюм. Оборачивается. На её лице нет страха.

Сначала недоумение. Потом оно смывается абсолютным ледяным презрением. Это тот самый взгляд, от которого у меня свело челюсти на приёме.

— Вы обладаете удивительным талантом появляться там, где вас не ждут и не хотят видеть, — говорит она. Голос ровный. — Как метастаз.

Её наглость восхитительна. Я закрываю дверь на замок.

— А вы — ставить диагнозы, доктор. Но ваш диагноз ошибочен. Я не болезнь. Я реальность. Которая только что вошла в вашу стерильную жизнь.

— Моя реальность — это график дежурств и истории болезней. В нём для вас нет места, — Марго делает шаг от шкафа, пытаясь создать дистанцию. Но кабинет тесен.

— Ошибаетесь. Сейчас моё место здесь. Мы не закончили наш разговор. Вы проигнорировали моё послание.

— Я его каталогизировала. Как и любой другой биологический материал, представляющий потенциальную опасность.

Во мне что-то рвется...

Этот холод. Абсолютная непробиваемая уверенность в своей неуязвимости. Пока Марго здесь, в своём храме, она чувствует себя богиней. И рядом с ней призрак того ничтожества, которому она позволяет прикасаться к себе.

— Надоело, — выдыхаю, и в моем голосе проскальзывает сталь. — Надоели эти игры в неприступность. Ты крутишься с этим... честным мудаком, который верит в справедливость. Он трахает тебя? Шепчет глупости про любовь, пока ты делаешь вид, что веришь?

Она прищуривается.

— Это не ваше дело, Эмир.

— С сегодняшнего дня всё, что касается тебя — моё дело! — мой рык разносится по кабинету. Маргарита вздрагивает, но не отступает. — Потому что он не достоин даже пыли с твоих туфель! Он слабый. А ты создана для силы. Но боишься в этом признаться!

В два шага оказываюсь рядом. Хватаю её за плечи, сжимаю с такой силой, что Марго ахает от боли и неожиданности.

Я чувствую под пальцами тонкую кость, упругие мышцы, жар её тела сквозь ткань. И в этот миг во мне вспыхивает не просто желание. Потребность стереть с неё его прикосновения, наивные взгляды... его право.

Очистить её для себя грубой силой. Доказать, что её настоящая натура отзовется только на давление, боль, абсолютное доминирование.

Я приподнимаю Маргариту и с размаху сажаю на край стола. Папки, блокноты, ручки летят на пол с оглушительным грохотом.

Она коротко, отрывисто кричит, больше от ярости, чем от страха, и начинает отбиваться. Её удары быстры, точны, болезненны. Марго бьёт не как испуганная женщина, а как боец, знающий уязвимые места.

Каблук туфли вонзается мне в голень. Но её сила ничто против моей слепой ярости. Я прижимаю Маргариту к столу всем весом, ловлю тонкие запястья одной рукой и сжимаю над головой.

Она извивается подо мной, как яростная кошка. Её дыхание учащается и становится прерывистым, грудь вздымается. Я склоняюсь к красивому лицу, вдыхаю смесь её духов, кожи и чистого животного страха.

— Вот он, твой контроль, доктор, — шиплю ей в губы, которые она плотно сжала. — Где твой прокурор? Где твоя логика? Они тебе сейчас помогут?

Пытаюсь поймать её губы своими, но Маргарита с яростным рыком изворачивается.

И в этот миг я вижу её глаза. В них бушует ураган. Ярость — да. Ненависть, конечно. Глубокий, всепоглощающий шок от насилия над её волей. Но есть что-то ещё. Глубоко на самом дне расширенных зрачков — молниеносная искра чего-то иного.

Шок от собственной реакции. От того, как тело вопреки её воле отозвалось на грубую силу, на эту близость, на абсолютную потерю контроля. Это то самое предательство плоти, которого она так боится. И я это вижу.

Это знание круче оргазма. Я замираю на долю секунды.

И этого достаточно.

Марго вырывает одну руку, складывает пальцы в жёсткий профессиональный клин. И со всей силы, с хирургической точностью бьёт меня в шею. Туда, где сходятся нервные узлы.

Острая ослепляющая боль пронзает. Воздух с хрипом вырывается из лёгких. Я отшатываюсь, ослабляя хватку. Маргарита ловко соскальзывает со стола, отпрыгивает в сторону. Нашупывает и сжимает длинные хирургические ножницы. Держит их не для защиты, а для атаки. Остриём вперёд.

Мы стоим, тяжело дыша, разделённые метром пространства, наполненного осколками её порядка и напряжением насилия.

Темные волосы выбились из строгой причёски, халат съехал, обнажив порванный на плече шёлк блузки. На её шее краснеют следы моих пальцев.

И её глаза... ох, блядь! Лёд растаял, обнажив расплавленную сталь ярости, унижения и увиденного мной шокирующего возбуждения. Марго ловит мой взгляд и понимает, что я вижу. И её ненависть к себе в этот момент почти затмевает ненависть ко мне.

— Следующий удар будет вот этим, — выдыхает она, и её голос хрипит от еле сдерживаемых эмоций. — Я знаю ровно семь нелетальных точек, поражение которых вызывает необратимые неврологические повреждения. Выйдите. Сейчас.

Я выпрямляюсь, глотаю ком боли в горле. Поправляю пиджак. И улыбаюсь. Это не та победа, о которой я мечтал. Но это победа. Я коснулся самой сути её страха — потери контроля. И нашёл ключ.

— До встречи, Маргарита Владимировна, — говорю, разворачиваясь к двери. Мой голос ровный, почти ласковый. — Берегите эти точки. Они нам ещё понадобятся. А теперь... я пойду каталогизировать свои новые биологические образцы. Мы ещё вернёмся к диагнозу.

Выхожу, оставляя её среди хаоса. Дверь закрывается, отсекая её тяжёлое, яростное дыхание.

Я иду по коридору, и каждый шаг отдаётся болью в шее. Это боль напоминает: я взломал её периметр. Она больше не недоступная богиня в халате. Она — живой, дрожащий от ярости и стыда противник.

И следующей моей мишенью будет её милый честный прокурор...

Глава 6. Поле боя

Марго

Дверь закрыта. Я стою, прислонившись спиной к шкафу. Меня трясет изнутри мелкой унижительной дрожью.

Это не страх. Это ярость, смешанная с физиологическим предательством собственного тела. Алиев видел, как я отозвалась на его насилие. Стыд жжет изнутри, как кислота.

Я не позволю этому остаться на себе. Резкими движениями срываю халат, затем блузку из тончайшего шёлка. На плече остался багровый след от его пальцев, ткань порвана. Сминаю одежду и швыряю в стальной бак для биологических отходов.

Душ в ординаторской включаю на полную. Вода почти кипятком. Я стою под струями, тру кожу жёсткой мочалкой до красноты. Но дрожь не уходит. Она заперта глубоко... под рёбрами... и в самом низу живота. Предательское тепло, оставшееся после грубых рук Алиева. Сжимаю зубы.

После душа достаю запасной комплект белья, надеваю хирургическую форму.

Звоню Андрею. Голос получается металлическим, лишённым чего-либо человеческого.

— Приезжай в мой кабинет. Сейчас. Он был здесь.

Пауза. Я слышу его учащённое дыхание в трубке.

— Марго, ты в порядке? Что он сделал?

— Сделай так, чтобы этого не было! — вырывается у меня, и это уже не приказ, а хриплая мольба. Вешаю трубку.

Евсонов приезжает через семь минут. Врывается, распахнув дверь. Лицо бледное, глаза дикие. Он шагает ко мне, тянется обнять, прижать, защитить.

— Марго, боже...

Я отскакиваю, как от огня. От его жалости меня сейчас вырвет.

— Не трогай меня! — режу словами, словно скальпелем. — Мне не нужна нянька! Мне нужен мужчина, который не допустит, чтобы другой так со мной обращался! Ты что, вообще на это не способен?! Или твоя любовь только на словах и в безопасной постели?!

Его лицо меняется на глазах. Паника, обида — всё это исчезает. Остаётся пустота, а потом медленное страшное осознание.

Андрей смотрит на меня, потом на разгром в кабинете, затем снова на моё лицо, и в его глазах зажигается холодный огонь, которого раньше не было.

Глядя в эти холодные глаза, я срываю с себя одежду. Стою перед своим прокурором обнажённая, в синяках от чужих пальцев.

— Посмотри. Посмотри, что он хотел отнять. И запомни: это твоё. Но только если ты сможешь это удержать. Докажи это сейчас. Не как любовник. Как хозяин. Заставь меня забыть его.

Андрей молчит секунду, две. Потом медленно, не отводя глаз, начинает раздеваться. Не спеша.

Сбрасывает пиджак, рубашку, расстегивает ремень. Он не похож на того Андрея, которого я знаю. Это кто-то другой. С холодными глазами.

— Хозяин? — его голос тихий, беззвучный. — Хорошо. Тогда забудь про приказы. Ты больше не командуешь парадом, Марго. Ты — поле боя.

Евсонов не бросается на меня. Подходит медленно, и когда я инстинктивно замахиваюсь... не для вида, а по-настоящему, чтобы зарядить сочную пощечину... он ловит мою руку в воздухе. Его пальцы смыкаются на запястье не больно, но абсолютно неоспоримо. Как тиски.

— Первое правило, — его губы касаются моего уха, дыхание горячее. — Ты не бьёшь того, кому сдаёшься.

Он с силой разворачивает меня и прижимает животом к полированной поверхности стола. Дерево холодит кожу. Пытаюсь вывернуться, упираюсь, но его тело твердое и тяжелое. Одной рукой Андрей захватывает оба моих запястья, фиксируя за моей спиной. Другой он разводит мои бёдра грубо, без прелюдий.

— Второе правило, — он входит в меня резко, глубоко, до самого предела, заставляя всё моё тело содрогнуться от неожиданного взрыва удовольствия. — Ты не командуешь процессом. Ты подчиняешься.

Это не секс. Это подавление. Андрей двигается не для удовольствия, а для утверждения власти. Глубоко, методично, с чудовищной выносливостью. Каждый толчок — это удар по моей воле, по моему контролю.

Я пытаюсь сопротивляться, сжать мышцы, выгнуться, но он пресекает каждую попытку превосходящей силой.

Молчит, и от его молчания становится ещё страшнее. Слышен только скрип стола, шумное дыхание и влажные откровенные шлепки наших тел.

Я ненавижу его. Ненавижу за то, что он делает. И ненавижу себя за то, что моё тело, предавая меня, начинает откликаться.

Тепло разливается там, где мы сливаемся, спазмы становятся приятными. Это позорно. Невыносимо! Я кусаю губу до крови, чтобы не издать ни звука.

— Смотри, — Евсонов хрипит мне на ухо, сжимая моё бедро так, что точно останется синяк. — Твоё тело уже моё. Оно слушается меня...

Что-то во мне ломается от этих слов. От осознания, что Андрей не играет в мою игру. Он переписал правила. Ярость иссякает, сменяясь чем-то вроде шока.

Я перестаю бороться. Расслабляюсь, и он, почувствовав это, меняет ритм. Становится ещё глубже, ещё активнее. Андрей добивает меня не силой, а выносливостью и этой чёрной бездонной уверенностью, которой я в нём никогда не видела.

Волна поднимается против моей воли. Сокрушительная, позорная, невыносимо сладкая. Я кончаю с глухим стоном, уткнувшись лицом в холодную поверхность стола, чувствуя, как содрогается мой прокурор, изливаясь в меня. Наступает тишина, нарушаемая только нашим тяжёлым дыханием.

Андрей отпускает мои запястья, медленно отстраняется. Я не двигаюсь, словно прилипнув к столу, разбитая и пустая. Слышу, как Евсонов одевается.

Потом его сильные, но уже не жесткие руки подхватывают меня, помогают встать. Ноги не держат. Андрей молча поднимает мою одежду с пола.

— Я удержал, — говорит тихо, глядя на меня в упор. Его глаза снова стали почти привычными, но в глубине осталась та новая холодная трещина. — Но я не хозяин. Я — твой. И это страшнее. Для нас обоих.

Андрей отворачивается и поднимает с пола мою форму. Действует методично, без суеты. Присев передо мной, помогает мне надеть белье. Он не задерживается на коже ни на секунду дольше необходимого.

Когда я пытаюсь сама натянуть штаны, руки отказываются слушаться. Дрожат, как в лихорадке. Андрей молча натягивает мне их до талии. Всё это без слов или взглядов. Как процедуру выполняет.

Сверху накидывает на меня свой пиджак, пахнувший им. Невольно вдыхаю чуть глубже, чем надо бы...

Евсонов поправляет на мне воротник своего пиджака.

— Всё. Идём.

Но я не могу идти. Ноги ватные, в коленях дрожь. Андрей видит это, разворачивается и просто берет меня на руки. Не сопротивляюсь. Обнимаю его, прижимаюсь лицом к его шее.

Прокурор несёт меня через пустые, ярко освещённые коридоры, мимо пустующих постов охраны. Его шаги твёрдые, ровные. Шаг за шагом. Как раненого бойца с поля боя. Туда, где нет ни победителей, ни побеждённых. Только тишина после боя.

Андрей усаживает меня в свою машину, пристёгивает ремень, будто я хрустальная. Садится за руль. Всю дорогу до моего дома мы не говорим ни слова.

В моей квартире он помогает мне дойти до кровати, наливает воды. Стоит в дверях спальни.

— Спи. Он больше не подойдёт к тебе.

— Остайся, — не узнаю свой голос. Он тихий и чужой. Я прошу. Впервые.

Андрей кивает, снимает обувь и одежду, ложится рядом поверх одеяла, не прикасаясь. Я жду, что привычное напряжение, дрожь и ярость вернутся.

Но внутри тихо. Пусто. Как после сложнейшей операции, когда силы кончились, но работа сделана.

Закрываю глаза и проваливаюсь в чёрную бездонную яму. Впервые за много лет — без снов.

Глава 7. Игра на чужом поле

Андрей

Просыпаюсь оттого, что Марго ворочается. Её спина холодная и гладкая под моей ладонью. Она спит лицом к стене, в позе зародыша, как будто даже во сне обороняется.

Я так и не смог заснуть. Смотрел на стерильный белый потолок её спальни и чувствовал, как внутри меня что-то меняется.

Осторожно, чтобы не разбудить, убираю руку. Поднимаюсь. Подбираю с пола свои рубашку и брюки, пахнувшие вчерашним днем и её духами. Выхожу в гостиную-лофт. Рассвет бьётся в панорамные окна грязно-серым светом.

В идеальной кухне всё на местах. Нахожу кофе, овсянку, яйца. Готовлю молча, механически. Два яйца пашот, тост из зернового хлеба, идеальная пенка на капучино.

Мой завтрак — просто чёрный кофе. Глотаю его, стоя у окна, глядя на пустынную набережную. Вчерашняя ярость не ушла. Она осела на дно, превратилась в грязный осадок на душе.

Ставлю поднос с завтраком на прикроватный столик. Маргарита уже проснулась, лежит, смотрит в потолок.

— Я поеду, — говорю тихо.

Она лишь кивает, не глядя. Её отстранённость сейчас не ранит. Я наклоняюсь, целую Марго в висок. Она пахнет сном. Не отстраняется, но и не отвечает.

— Спасибо, — шепчет.

Я не спрашиваю, за что. Просто ухожу, тихо прикрывая за собой дверь.

По дороге домой прокручиваю в голове её лицо в момент, когда я приказал ей забыть Эмира. Не страх был в глазах Маргариты. Вызов. И что-то тёмное, откликнувшееся на мою жесткость.

Это замешательство грызёт меня до сих пор. Кого я пытался подчинить? Её? Или ту тьму в себе, что полезла наружу?

Квартира встречает запахом выпечки и тихой тоской. Мать уже на кухне. Она сидит в халате, смотрит на меня красными невыспавшимися глазами.

— Опять не ночевал дома, — голос у неё хриплый, будто она плакала. — Опять у неё был?

Снимаю пиджак, вешаю на стул. Говорю спокойно.

— Мама, я взрослый мужчина. У меня работа, обязанности. И личная жизнь.

— Личная! — она хлопает ладонью по столу. — Какая уж там личная, когда тебя используют, как тряпку! И ведь знает, куда бить, стерва... В самое больное.

В груди что-то сжимается, обжигая. Я подхожу к столу, упираюсь в него кулаками. Наклоняюсь к матери. Мой голос звучит тихо, но так, что она замирает.

— Мама. Я тебя люблю. И благодарен, что ты меня вырастила. Но эта квартира моя. Ты здесь гостья, пока не снимут гипс. Моя жизнь — мое дело. Моя боль — мое дело. Моя женщина — мое дело. Ты не имеешь права называть её так. Никогда. Поняла?

Она отшатывается, как от удара. В глазах шок, обида, а потом та самая горькая материнская прозорливость, которая видит всё.

— Я боюсь за тебя, сынок, — выдыхает мать. — Ты сгоришь. Сгоришь дотла.

— Может быть, — отрезаю и ухожу в ванную. Оставляю её одну наедине со страхами.

Принимаю душ. Одеваюсь в свежий, идеально отглаженный костюм. Я — прокурор Евсенов. И сегодня мне нужно разобраться с одной проблемой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.